

Славой Жижек

МЕТАСТАЗЫ УДОВОЛЬСТВИЯ

**Шесть очерков о женщинах
и причинности**

Славой Жижек

МЕТАСТАЗЫ УДОВОЛЬСТВИЯ
Шесть очерков о женщинах
и причинности

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Ж70

Slavoj Žižek
THE METASTASES OF ENJOYMENT

Печатается с разрешения издательства Verso, an imprint of New Left Books

Жижек, Славой

Ж70 Метаастазы удовольствия. Шесть очерков о женщинах и причинности / Славой Жижек; пер. с англ. Шаши Мартыновой. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 320 с. – (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-099310-9

Для политического и идеологического контекста, в котором создавалась книга «Метаастазы удовольствия», особенно значимы опыт войны в Югославии и всплеск иррационального, неконтролируемого насилия в современном обществе. Превращая психоанализ Лакана в основу для возрождения марксистской теории, Славой Жижек исследует роль женщины в новейшей философии и современном искусстве, а также связь между насилием и межгендерными отношениями.

«Где можно постичь «удовольствие как политический фактор» в его чистейшем виде? На знаменитой фотографии времен еврейских погромов: еврейский мальчик загнан в угол, его окружила группа немцев. Эта группа чрезвычайно интересна — выражения лиц ее участников представляют весь диапазон возможного отношения к происходящему: один «получает удовольствие» совершенно непосредственно, как идиот, другой явно напуган (вероятно, от предчувствия, что может оказаться следующим), третий изображает безразличие, которое скрывает только что проснувшееся любопытство, — и т. д., вплоть до исключительного выражения лица некоего юноши, которому явно неловко, чуть ли не тошно от всего происходящего, он не в силах отдаться событиям целиком, и все же оно его завораживает, он получает от ситуации удовольствие, чья сила много превосходит идиотизм непосредственного наслаждения. И вот он-то опаснее всех: его дрожащая нерешительность — в точности как у Человека-Крысы; то же выражение лица Фрейд заметил у этого пациента, когда тот рассказывал ему о пытках крысы: «Когда [Человек-Крыса] излагал ключевые эпизоды этой истории, лицо его приобретало страннейшее сложное выражение. У меня возникло лишь одно толкование: ужас от получаемого удовольствия, которого сам пациент и не осознавал».

ISBN 978-5-17-099310-9

Copyright © Slavoj Žižek 1994, 2005
© Перевод Ш. Мартынова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ВВЕДЕНИЕ

ОТ САРАЕВО
ДО ХИЧКОКА...
И ОБРАТНО

Где можно постичь «удовольствие как политический фактор» в его чистейшем виде? На знаменитой фотографии времен еврейских погромов: еврейский мальчик загнан в угол, его окружила группа немцев. Эта группа чрезвычайно интересна — выражения лиц ее участников представляют весь диапазон возможного отношения к происходящему: один «получает удовольствие» совершенно непосредственно, как идиот, другой явно напуган (вероятно, от предчувствия, что может оказаться следующим), третий изображает безразличие, которое скрывает только что проснувшееся любопытство, — и т. д., вплоть до исключительного выражения лица некоего юноши, которому явно неловко, чуть ли не тошно от всего происходящего, он не в силах отдаться событиям целиком, и все же оно его завораживает, он получает от ситуации удовольствие, чья сила много превосходит идиотизм непосредственного наслаждения. И вот он-то опаснее всех: его дрожкая нерешительность — в точности как у Человека-Крысы; то же выражение лица Фрейд заметил у этого пациента, когда тот рассказывал ему о пытках крысы: «Когда [Человек-Крыса] излагал ключевые эпизоды этой истории, лицо его приобретало страннейшее сложное выражение. У меня возникло лишь одно толкование: ужас от получаемого удовольствия, которого сам пациент и не осознавал»¹.

Удовольствие — плодотворная первобытная стихия, метастазы которой пронизывают две взаимосвязанные области — политического и полового, вот почему эта книга разделена на две части. Как же мы себе представляем эту взаимосвязь? Осенью 1992 года, после того, как я прочел

¹ Sigmund Freud, *Notes upon Case of Obsessional Neurosis*, в: James Strachey, ред., *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*, т. 10, Лондон: Hogarth Press, 1955, стр. 166-167. [Рус. изд.: «Заметки об одном случае невроза навязчивого состояния»; Зигмунд Фрейд. Собрание сочинений в 26 томах. Том 4. Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк. Пер. С. Панкова, М.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2007. — *Примеч. перев.*]— *Здесь и далее примечания автора, кроме оговоренных особо.*

лекцию о Хичкоке в одном американском студгородке, кто-то из аудитории возмущенно спросил меня: «Как можете вы говорить о подобных пустяках, когда бывшая ваша страна погибает в огне?» Вот как я ответил: «Как можете *вы* тут, в Штатах, говорить о Хичкоке? В моем поведении нет ничего травматического, свойственного жертве, я не рассказываю о кошмарных событиях в своей стране: подобное поведение не может не вызывать сострадания и ложной виноватости, коя есть фотонегатив нарциссического удовлетворения, т. е. осознания у моей аудитории, что с ней все в порядке, тогда как у меня все плохо». Но я нарушаю запрет в тот самый миг, когда начинаю вести себя, как моя аудитория, и говорю о Хичкоке, а не об ужасах войны в бывшей Югославии...

Этот мой опыт показывает, что для взгляда Запада в Балканском конфликте по-настоящему невыносимо. Довольно будет вспомнить любой типичный репортаж из осажденного Сараево: репортеры тягаются друг с дружкой, кто найдет сцену тошнотворнее — истерзанные детские тела, изнасилованные женщины, изможденные узники; все это — славный корм для оголодавшего западного ока. Однако медийщики куда скупее на слова, когда речь заходит о том, как жители Сараево отчаянно пытаются сохранять видимость нормальной жизни. Трагедия Сараево воплощена в пожилом конторщике, который ежедневно ходит на работу, как привык, но поневоле ускоряет шаг на определенных перекрестках, потому что за соседним пригорком прячется сербский снайпер; в дискотеке, работающей в «обычном режиме», где слышны фоном взрывы; в молоденькой девушке, которая пробирается между руинами к зданию суда, чтобы добиться развода и начать жить с возлюбленным; в выпуске боснийского кинообзора, вышедшего весной 1993 года, с очерками о Скорсезе и Альмодоваре...

Не разница невыносима. Невыносим факт, что, в некотором смысле, *разницы никакой*: нет в Сараево никаких кровавых диковинных «балканцев», а есть обыкновенные граждане вроде нас с вами. Стоит только принять это целиком, как граница, отделяющая «нас» от «них», явлена во всей ее

условности, и нам приходится отказываться от безопасного расстояния внешних наблюдателей: как на ленте Мёбиуса, часть и целое совпадают, и потому нет больше возможности ясно и четко отделить нас, живущих в «по-настоящему» мирных условиях, и их, обитателей Сараево, изо всех сил пытающихся делать вид, что они живут в мире, — приходится признать, что, в некотором смысле, мы тоже изображаем мирную жизнь, что мир и покой эти — липовые. Сараево — не остров, не исключение из правил в море нормальности — напротив, эта так называемая нормальность сама по себе — остров вымысла посреди повсеместной бойни. Вот чего мы пытаемся избежать, ставя на жертву соответствующее тавро: мы определяем ей место в ущербном пространстве меж двух смертей, будто жертва — пария, своего рода живой мертвец, заточенный в священном пространстве вымысла.

Этим опытом и определяется теоретический и политический контекст данной книги. Часть I анализирует структурную роль насилия при позднем капитализме и таким образом представляет широкий политико-идеологический фон недавних ужасов в Боснии. Часть II посвящена злоключениям фигуры женщины в современных искусстве и идеологии. Цель всей книги — «спасти» тех прогрессивно мыслящих авторов, кого обыкновенно не принимают в расчет как безнадежных реакционеров. Обе части этого издания, вовсе не разнесенные по двум разным пространствам — политического анализа и культурных исследований, — соотносятся друг с другом как две стороны ленты Мёбиуса: стоит нам подалее пройти по одной стороне, как мы вдруг оказываемся на обратной. В первой части внутренняя суть анализа идеологии приводит к связи между насилием и *jouissance féminine*¹, а во второй оценка дискурсивного положения женщин постоянно смещается к теме властных отношений.

¹ Женское наслаждение (фр.) — Примеч. перев.

ЧАСТЬ I

ПРИЧИНА

1. ТУПИК «РЕПРЕССИВНОЙ ДЕСУБЛИМАЦИИ»

Один из праздничных ритуалов нашей интеллектуальной жизни: раз в пару лет объявлять, что психоанализ — *démodé*¹, превзойден и теперь уж точно мертв и похоронен. План подобных нападок хорошо отработан, в нем три главные темы:

— новые «прозрения» насчет «скандального» научного или личного поведения: к примеру, его предполагаемый побег от действительности отцовского соблазна («Нападение на истину» Джеффри Мэссона²);

— сомнения в эффективности психоаналитического лечения: если подобное лечение вообще действенно, то лишь внушением со стороны аналитика; эти сомнения обычно подкреплены новостями (кои, повторимся, возникают с регулярностью раз в пару лет) о великих прорывах в биологии — наконец-то обнаружена нейронная или еще какая первопричина умственных расстройств...

— отказ психоанализу в научности: психоанализ в лучшем случае — интересное и дерзкое литературно-метафорическое описание того, как работает ум, однако это во всяком случае не наука, способная устанавливать отчетливые причинно-следственные связи.

С точки зрения исторического материализма куда интереснее закономерной критики этих нападок их толкование как индикаторов состояния идеологии в заданный историче-

¹ Устаревший (фр.). — Примеч. перев.

² Jeffrey Masson, *The Assault on Truth*, Нью-Йорк: Farrar, Straus and Giroux, 1984. [Джеффри Мэссон (р. 1941) — американский писатель, исследователь жизни и трудов Фрейда. — Примеч. перев.]

ский момент. Легко показать, как недавнее возрождение теории совращения (половое насилие со стороны родителей как причина позднейших психических расстройств) не принимает в расчет Фрейдово фундаментальное прозрение в вымышленную суть травмы, т. е. как это возрождение отвергает самостоятельность пространства психики и утверждает традиционные представления о линейности причинно-следственной цепи. Куда плодотворнее, однако, определить это возрождение в контексте нарциссической установки позднего капитализма на субъективность, в которой «другой» как таковой — действительный Другой, наделенный желаниями, — переживается как травмирующее вмешательство, как нечто, жестоко нарушающее замкнутое равновесие моего «я». Что бы ни делал другой — ласкает ли он(а) меня, курит ли, осаживает ли, смотрит ли на меня похотливо или даже *не смеется* моим шуткам с должной чистосердечностью — всё будет (по крайней мере, потенциально) жестоким посягательством на мое пространство¹.

На глубинном теоретическом уровне все эти нападки направлены на проблему причинности: критикующий либо принимает «научную» точку зрения и винит психоанализ в неспособности формулировать точные, проверяемые законы причинности, либо точку зрения *Geistwissenschaften*² и упрекает психоанализ в «овеществлении» межсубъектной диалектики цепью причинных связей, т. е. в низведении живого индивида до марионетки, брошенной на милость бессознательных механизмов. Качественно отбиться от этой критики, следовательно, можно, лишь полностью изложив воззрения психоанализа в понятиях устоявшейся пары *Naturwissenschaften*³ и *Geistwissenschaften*, то есть детерминизма и герменевтики. Дабы поддержать жизнь в нашем осознании подлинных достижений фрейдистской революции, имеет смысл хотя бы иногда возвращаться к основам, то есть к «наивнейшим», базовым вопросам. Самая ли ради-

¹ Из этого очевидно следует, что «политкорректность» борется попросту с *проявлением желаний другого человека*.

² Гуманитарные науки (нем.). — *Примеч. перев.*

³ Естественные науки (нем.). — *Примеч. перев.*

кальная версия психического детерминизма — психоанализ? Фрейд — «биолог ума» ли? Отвергнут ли психоанализом сам ум как игрушка бессознательной предопределенности, а его свобода, соответственно, — как иллюзия? Или же, напротив, психоанализ есть «глубинная герменевтика», которая открывает новое пространство анализа смыслов, показывая, как даже в случае (казалось бы) чисто физиологических телесных расстройств мы все равно имеем дело с диалектикой смыслов, с искаженным общением субъекта с самим собой и со своим Другим? Первое, на что следует обратить внимание: эта двойственность отражена во всех фрейдистских теоретических построениях под видом двойственности метапсихологической *теории влечений* (оральная, анальная, фаллическая стадии и т. д.), полагающейся на физикалистски-биологическую метафорику «механизмов», «энергии» и «стадий», а также на толкования (сновидений, шуток, психопатологии повседневности, симптомов...), которые остаются полностью в сфере смысла.

Указывает ли эта двойственность на то, что Фрейд не разобрался с противостоянием причинности и смысла? Можно ли свести обе стороны вместе в «единой теории фрейдистского поля», если воспользоваться подходящей эйнштейновской формулировкой Жака-Алена Миллера¹? Ясно, что никакого решения в псевдодиалектическом «синтезе» двух сторон быть не может, не выйдет и применить одну сторону как ключ к другой. Представление о причинной предопределенности психики как хрестоматийного случая объективистского «овеществления», о позитивистском ошибочном распознавании подлинно субъективной диалектики смысла столь же невозможно, как не выйдет свести пространство смысла к иллюзорному опыту переживания себя, регулируемому скрытыми причинными механизмами. Но что если подлинные плоды фрейдистской революции следует искать в том, как именно она подрывает само противостояние герменевтики и объяснения, смысла и причинности? На сегодня раз-

¹ Жак-Ален Миллер (р. 1944) — французский психоаналитик лакановской школы. — *Примеч. перев.*